

Дмитрий
Мережковский

ЛИЦА
ГОГОЛЬ И ЧЁРТ

УДК 82-311.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М52

Мережковский, Д.

М52 Лица. Гоголь и Чёрт / Д. Мережковский. – М. : T8RUGRAM, 2018. – 166 с.

ISBN 978-5-521-78919-1

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941) – русский писатель, поэт, литературный критик, религиозный мыслитель, творчество которого входит в сокровищницу мировой литературы.

В книгу «Лица. Гоголь и Чёрт» вошла уникальная монография, анализирующая творчество и судьбу Николая Васильевича Гоголя. Мережковский интерпретирует творчество автора «Мёртвых душ» с точки зрения его борьбы против «чёрта вечной пошлости» как одного из выражений метафизического зла. Глубина мыслей и неординарное мышление позволяют читателю по-новому взглянуть на великого русского писателя.

УДК 82-311.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-78919-1

© T8RUGRAM, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. Творчество7

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Жизнь и Религия.....64

*Слышно страшное
в судьбе наших поэтов.*

Гоголь

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТВОРЧЕСТВО

I

«Как черта выставить дураком» — это, по собственному признанию Гоголя, было главной мыслью всей его жизни и всего творчества. «Уже с давних пор я только и хлопочу о том, чтобы после моего сочинения насмеялся вволю человек над чертом». (Письмо Шевыреву из Неаполя от 27 апреля 1847 года.)

В религиозном понимании Гоголя черт есть мистическая сущность и реальное существо, в котором сосредоточилось отрицание Бога, вечное зло. Гоголь, как художник, при свете смеха, исследует природу этой мистической сущности; как человек, оружием смеха борется с этим реальным существом: смех Гоголя — борьба человека с чертом.

Бог есть бесконечное, конец и начало сущего; черт — отрицание Бога, а следовательно, и отрицание бесконечного, отрицание пенкою конца и начала; черт есть начатое и неоконченное, которое выдает себя за безначальное и бесконечное; черт — нуменальная середина сущего, отрицание всех глубин и вершин — вечная плоскость, вечная пошлость. Единственный предмет гоголевского творчества и есть черт именно в этом смысле, то есть как яв-

ление «бессмертной пошлости людской», созерцаемое за всеми условиями местными и временными — историческими, народными, государственными, общественными, — явление безусловного, вечного и всемирного зла; пошлость *sub specie aeterni*, «под видом вечности».

«Обо мне много толковали, разбирая кое-какие мои стороны, но главного существа моего не определили. Его слышал один только Пушкин. Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем. Вот мое главное свойство, одному мне принадлежащее, и которого точно нет у других писателей». (Из переписки с друзьями, XVIII, 3). Зло видимо всем в великих нарушениях нравственного закона, в редких и необычайных злодействах, в потрясающих развязках трагедий; Гоголь первый увидел невидимое и самое страшное, вечное зло не в трагедии, а в отсутствии всего трагического, не в силе, а в бессилье, не в безумных крайностях, а в слишком благоразумной середине, не в остроте и глубине, а в тупости и плоскости, пошлости всех человеческих чувств и мыслей, не в самом великом, а в самом малом. Гоголь сделал для нравственных измерений то же, что Лейбниц для математики, — открыл как бы дифференциальное исчисление, бесконечно великое значение бесконечно малых величин добра и зла. Первый он понял, что черт и есть самое малое, которое лишь вследствие нашей собственной малости ка-

жется великим, — самое слабое, которое лишь вследствие нашей собственной слабости кажется сильным. «Я называю вещи, — говорит он, — прямо по имени, то есть черта называю чертом, не даю ему великолепного костюма à la Байрон и знаю, что он ходит во фраке...» «Дьявол выступил уже без маски в мир: он явился в своем собственном виде». Главная сила дьявола — умение казаться не тем, что он есть. Будучи серединою, он кажется одним из двух концов-бесконечностей мира, то Сыном-Плотью, восставшим на Отца и Духа, то Отцом и Духом, восставшим на Сына-Плоть; будучи тварью, он кажется творцом; будучи темным, кажется Денницею; будучи косным, кажется крылатым; будучи смешным, кажется смеющимся. Смех Мефистофеля, гордость Каина, сила Прометея, мудрость Люцифера, свобода Сверхчеловека — вот различные в веках и народах «великолепные костюмы», маски этого вечного подражателя, приживальщика, обезьяны Бога. Гоголь первый увидел черта без маски, увидел подлинное лицо его, страшное не своей необычностью, а обыкновенностью, пошлостью; первый понял, что лицо черта есть не далекое, чуждое, странное, фантастическое, а самое близкое, знакомое, вообще реальное «человеческое, слишком человеческое» лицо, лицо толпы, лицо «как у всех», почти наше собственное лицо в те минуты, когда мы не смеем быть сами собою и соглашаемся быть «как все».

Два главных героя Гоголя — Хлестаков и Чичиков — суть два современные русские лица, две ипостаси вечного

и всемирного зла — «бессмертной пошлости людской». По слову Пушкина: То были двух бесов изображенья.

Вдохновенный мечтатель Хлестаков и положительный делец Чичиков — за этими двумя противоположными лицами скрыто соединяющее их третье лицо, лицо черта «без маски», «во фраке», в «своем собственном виде», лицо нашего вечного двойника, который, показывая нам в себе наше собственное отражение, как в зеркале, говорит: «Чему смеетесь? Над собой смеетесь!».

II

«Вы эту скотину (черта) бейте по морде и не смущайтесь ничем. Он щелкопер и весь состоит из надувания. Он точно мелкий чиновник, забравшийся в город будто бы на следствие. Пыль запустит всем, распечат, раскричится. Стоит только немножко струсить и податься назад — тут-то он и пойдет храбриться. А как только наступишь на него, он и хвост подожмет. Мы сами делаем из него великана; а в самом деле он черт знает что. Пословица не бывает даром, а пословица говорит: Хвалился черт всем миром овладеть, а Бог ему и над свиньей не дал власти. Пугать, надувать, приводить в уныние — это его дело».

Легко догадаться, кто именно этот «мелкий чиновник, забравшийся в город будто бы на следствие, то есть в качестве ревизора, распекающий всех».

В черновых заметках к «Мертвым душам» Гоголь пишет: «Весь город со всем вихрем сплетен; прообразование бездельности (то есть пошлости) жизни всего человечества в массе... Как низвести всемирную карти-